

Сеничкина Е. П., Никитина И. Н.

ИРОНИЧЕСКИЕ ЭФЕМИЗМЫ КАК ПРИМЕТА ВРЕМЕНИ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/3-3/84.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. III. С. 199-201. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/3-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

структуре словарного значения вышеперечисленных ЛСВ (см. выше). Их начальное семантическое значение оказывается продуктивным, так как способно становиться семантически вариативным в определенном для него контексте. Стыкаясь по принципу ассоциативности с нехарактерными для традиционного употребления словосочетаниями: “to launch a campaign of intensive spirituality”, само предложение становится стилистически окрашенным и наделяется эмотивной функцией. Итак, как явствует выше, ирония, заключенная в семантике выражения “launch a campaign of intensive spirituality”, подтверждает нелепость действий главной героини.

Таким образом, речь идет не о духовности, а псевдодуховности, что дает нам основание предположить о присутствии области ПСЕВДОДУХОВНОСТЬ. Особую роль в создании комического эффекта выделенной нами области играет, безусловно, грамматическая семантика глагола “would launch”. Данный глагол предназначен для описания многократных попыток Марты «обрести себя» через мир духовных ценностей.

Окончательным и завершающим аккордом ТФИ при вербализации области БЕЗДУХОВНОСТЬ служит следующий пример:

(6) *Martha had a cold and a touch of lumbago, Hebert was already succumbing to the attacks of his old enemy, chronic constipation. They overflowed with spirituality [Huxley: 30].*

В общем ироническом настрое повествования данные лексемы: “overflowed with spirituality” оказываются ядерными. Их коннотативные компоненты как бы иррадируют и порождают комический эффект. В сочетании с лексемой “spirituality” глагол “overflow” носит ярко выраженный иронический оттенок и имплицитно высмеивается «духовная» сторона жизни семейства Клэкстон.

Таким образом, при рассмотрении данного примера, ТФИ с области ТЕЛЕСНОСТЬ переходит на область ПСЕВДОДУХОВНОСТЬ. В процессе данного движения ТФИ индуцирует и активирует все выделенные нами области. Как видим, области исследуемого концепта находятся в тесной связи друг с другом и при малейшем сдвиге ТФИ в поле нашего рассмотрения попадают уже другие области, не рассматриваемые нами ранее. Учитывая вышесказанное, заключим, что непосредственно сам концепт SPIRITUALITY представляет собой сложное структурированное образование, требующее поэтапного градуирования и глубокого осмысления.

Список использованной литературы

1. **Алимурадов, О.А.** Смысл. Концепт. Интенциональность [Текст]: монография / О. А. Алимурадов.- Пятигорск: ПГЛУ, 2003. – 312 с.

2. **Алимурадов, О.А.** Характерные особенности динамики концептосферы индивида [Текст] / О. А. Алимурадов // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. - 2004. - № 4. - С. 124-133.

Словари

1. **Webster's II New Riverside University Dictionary.** - NY: Houghton Mifflin Co., 1993. - 1536 p.

2. **Webster's Elementary Dictionary.** - NY: G & C. Merriam Co., 1962. – 739 p.

ИРОНИЧЕСКИЕ ЭВФЕМИЗМЫ КАК ПРИМЕТА ВРЕМЕНИ

Сеничкина Е. П., Никитина И. Н.

Самарский государственный педагогический университет

Самарский институт Российского государственного торгово-экономического университета

В лингвистической литературе эвфемизмы, как заменители табуированных наименований, а также слова и выражения, которые используются «в определенных условиях для замены нежелательных, невежливых, слишком резких слов» [Шмелев 1979: 402], принято разделять на древние и современные. Для древних эвфемизмов на первый план выдвигается религиозный мотив, в то время как для современных эвфемизмов - нравственный, моральный [Кацев 1988: 28]. По этой причине древние эвфемизмы не могли быть ироничными, замененные наименования производились совершенно серьезно. Иронические эвфемизмы - примета современной эвфемии. Однако под термином «современная» следует понимать достаточно широкие временные рамки. Уже в словаре В.И. Даля зафиксировано ироническое обозначение такого запретного наименования, как «ягодицы» - *Европа*.

Комическое и ироническое прослеживается во всех тематических группах современных эвфемизмов, хотя продуктивность таких замененных наименований в разных культурах различна. Так, иронические наименования понятий смерти, болезни и человеческих физических недостатков широко используются в английском и американском дискурсе, в отличие, например, от русского.

Исследования, проведенные Дж. Митчеллом по использованию эвфемизмов в разных культурах в контексте обсуждения темы такой смертельной болезни, как рак, показало, что в азиатской, испанской и южноамериканской культурах не принято ставить пациента в известность об истинном диагнозе и прогнозе на будущее, так как это может навредить больному. В северо-европейской и североамериканской культурах считается, что пациент должен быть полностью информирован о диагнозе и возможном исходе болезни, причем юмор служит для пациента защитным механизмом в данной неприятной ситуации, помогает паци-

енту «выпустить пар» [J. Mitchell 1998: 156]. Этим фактом можно объяснить большое количество эвфемистических наименований смерти и ей сопутствующих понятий с ироническим оттенком в английском языке. Например: *an awfully big adventure* (ужасно большое приключение), *eternal yawn* (зевок в вечность), *going to a dance party with God* (отправиться на танцевальную вечеринку с Создателем), *immortally/living challenged* (испытывать трудности с жизнью). Иронические эвфемизмы с лексической единицей *challenged* продуктивны в английском языке и для тематической группы - наименования человеческих недостатков. Например: *vertically challenged* (испытывающий трудности с ростом), *quantitatively challenged* (испытывающий трудности с объемом) и т.п.

Комическое в эвфемизмах создается различными способами, причем сравнивая эвфемизмы разных языков, во многих случаях отмечается тождество или сходство используемых языковых средств:

1. Противопоставлением подлинного денотата и денотата заменяющего слова. Например, в русском языке можно встретить: *красавец* - «страшный, уродливый»; *рыцари карманов* - «воры». Схожие примеры в английском языке: *fair* (справедливый, честный) - «несправедливый, нечестный», *knight of fortune* (рыцарь фортуны) - «мошенник», *knight of the road* (рыцарь дороги) - «грабитель». Такой вид комического в стилистике называют *антифразисом*. Это употребление антонима для указания на слово противоположного значения. Пример из рассказа М.М. Зощенко «Чертовка»: «Жизнь я свою не хаю. Жизнь у меня, прямо скажу **роскошная**... При полном хозяйстве нет у меня ни двора, ни даже куриного пера». См. пример из публицистической сферы:

[Интервью с «главным парфюмером Советского Союза» Аллой Бельфер] *Особенно летом, когда толпа в вагоне метро источает гремящую смесь из дезодорантов, некачественных духов, едких лаков для волос и пота. Все остальные пассажиры едут - и ничего, а мне от образовавшегося в воздухе «амбре» становится просто дурно* (Российская газета 13.02.2004). Шутливый узуальный эвфемизм *амбре* [аромат] (вместо «вонь») основан на антифразисе - употреблении положительного ассоциата в значении отрицательного денотата.

Т. Касаткина замечает: «эвфемизм этот никаким образом не синоним табуированного слова... и который в конце концов, гораздо ближе к антонимии, чем к синонимии» [Т. Касаткина 2001: 92]. Антифразис и есть вид иронии, который строится на противопоставлении, то есть с лексической точки зрения на антонимии.

2. Столкновением элементов более высокого стиля с обыденностью содержания. Пример в русском языке: *жить на пище святого Антония* - «голодать». Прежде всего столкновение элементов высокого стиля и сниженного характерно для художественной речи, ориентированной на разговорную, например: «*Мордастый гражданин хотел **достойным образом ответить на оскорбление***» (обругать) (М.М. Зощенко. Больные). Пример из разговорной речи. См. как во время экскурсии по историческим местам экскурсоводу приходится сообщить туристам о местонахождении туалета: *Если вы пройдете до конца аллеи и повернете направо, то увидите домик **неизвестного архитектора***.

В английском языке широко распространен иронический эвфемизм *to enjoy Her Majesty's hospitality* (пользоваться гостеприимством Ее Величества) - «сидеть в тюрьме». Комический оттенок приобретают эвфемистические наименования некоторых профессий: *appearance engineer* (инженер по внешности) вместо «hairdresser (парикмахер)», *canine control engineer* (инженер по контролю собак) вместо «dog-catcher (собаколов)». Что особенно неожиданно, так это использование *engineer* в окказиональном эвфемизме *crowd control engineer* (инженер по контролю толпы) вместо «patrol dog (патрульная собака)».

Эвфемизмы участвуют в языковой игре для формирования комического, шутки, иронии. Наиболее часто комический эффект возникает при образовании окказиональных эвфемизмов. Примеры окказиональных эвфемизмов с ироническим эффектом: *О, оторви **недвижимость** от стула!* (В. Вишневский); *She is an **unwaged domestic artist*** - *Она работает художником по дому на безвозмездной основе* (English Panorama) (вместо: Она - домохозяйка).

3. Использованием в эвфемистических высказываниях лексических единиц со значением неопределенности. Например: *Не стремимся мы в дальнюю даль,/ Ни в пустыню, ни к полюсу холода,/ Ни на катере - к **такой матери!*** (А. Галич. Старательский вальсок);

Генерал, проезжая мимо озера, видит купающуюся белотелую женщину с длинными волосами и приказывает денщику:

- *Иван, сплавай к этой даме и спроси ее, как она насчет поездки со мной в город, гостиницы, вина, картишек и **так далее**.*

*Денщик, вернувшись: - Ваше превосходительство, насчет поездки в город, гостиницы, вина, картишек они могут-с, а насчет **так далее** - никак-с, они поп-с.* (Ю. Никулин)» [В.З. Санников 2002: 464].

“The you-know-what’s in there”, she said helpfully. Frank staggered into the bathroom and shut the door (Sharpe. The Great Pursuit). - «*Вот здесь ... ну **ты знаешь что***», сказала она беспомощно. Френк поплелся в туалет и закрыл за собой дверь».

Всем эвфемизмам свойственна семантическая неопределенность. Она основана на семантической редукции эвфемизмов по сравнению с заменяемыми словами. В приведенных примерах следует говорить о прономинативных эвфемизмах. Иронический эффект возникает из-за употребления языковых единиц, отсылочным (прономинативным) способом отображающих действительность.

В русской поэтической речи часто применяется прием псевдозэвфемизмов: грубое или неприличное слово заменяется другим, совершенно не связанным с ним по смыслу, но рифма с легкостью изобличает подделку.

Тому удивляется вся Европа:

Какая у полковника обширная шляпа.

Комментарий полковника: «Чему удивляться? Обыкновенная, с черным султаном. Я от формы не отступаю. Насчет неправильной рифмы, отдать аудиту, чтобы приискал другую» (Козьма Прутков. Военные афоризмы). В.З. Санников замечает: «Эта рифма и сейчас волнует умы, ср.: *Если едешь на Кавказ,/Солнце светит прямо в глаз./ Возвращаешься в Европу - /Солнце светит... тоже в глаз*».

Вторичная эвфемизация осуществляется в целях языковой игры, когда узуальный, общеизвестный эвфемизм используется для описания другой ситуации. Например: *А вы бы уходили, Герасим Алтатыч (...) Вы назююкались, и в вашем интересном положении самое лучшее теперь сидеть дома* (А.П. Чехов. Скорая помощь). Общеизвестный эвфемизм *быть в (интересном) положении (быть беременной)* используется для описания другой ситуации - при обращении к пьяному.

Многие эвфемистические фразеологизмы русского языка содержат компонент комического. При этом в процессе употребления они творчески видоизменяются говорящим.

Можно выделить следующие разновидности индивидуальной обработки устойчивых сочетаний и их употребления в том или ином тексте.

1) Структура фразеологизма остается прежней, но он получает иное смысловое содержание в результате включения его в новое словесное окружение. Например, известно устойчивое сочетание *дары природы*, употребляемое преимущественно в отношении продуктов. Это сочетание переосмысливается и употребляется для комической эвфемизации: *Разбитная девица в душе без ложной скромности демонстрирует заглянувшему на огонек коллеге свои «дары природы»* (Российская газета 18.11.2003). См. другой пример: *Мне надо зайти еще в места не столь отдаленные* (вм. в туалет).

Комический эффект возникает из-за вторичной эвфемизации, которая проявляется в том, что узуальный эвфемизм *места не столь отдаленные* (вм. ссылка, тюрьма) употребляется в новом эвфемистическом значении (туалет).

2) Образование по аналогии с известным фразеологизмом нового оборота. Например, эвфемистическая фраза *петь Алябьева* (вм. обманывать, рассказывать небылицы) создана «на основе другого фразеологизма *заливаться (разливаться) соловьем* («говорить красноречиво, увлеченно»), а также благодаря ассоциации со знаменитым романсом А.А. Алябьева «Соловей» [А.С. Карпова 2001: 153].

См. другой пример: *Подавать заявление на два метра* (вм. умирать). Эвфемистический фразеологизм образован по аналогии с известной фразеологической единицей *подавать заявление*. Сочетание *два метра* является метафорическим обозначением могилы.

Список использованной литературы

1. Карпова А.С. Об эвфемистической функции фразеологических единиц //Актуальные вопросы филологии и методики преподавания: Межвуз. сб. науч. тр. - Ч. 1. - Ростов-на-Дону: РГПУ, 2001. - С. 152-156.
2. Касаткина Т. «Идиот» или «Чудак»: синонимия или антонимия? Вопросы литератур, 2001.- № 2. - С. 18-21.
3. Кацев А.М. Языковое табу и эвфемия: Учебное пособие к спецкурсу. - Л.: Изд-во ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1988. - 80 с.
4. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. - 544 с.
5. Шмелёв Д.Н. Эвфемизм // Русский язык: Энциклопедия / Под ред. Ф.П. Филина. - М., 1979. - С. 402.
6. Mitchell J. Cross cultural issues in disclosure of cancer. 1998. - 160 p.

ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТЕКСТА НОВЕЛЛЫ Г. ФОН КЛЕЙСТА «СВЯТАЯ ЦЕЦИЛИЯ, ИЛИ ВЛАСТЬ МУЗЫКИ. ЛЕГЕНДА»

Серебряков А. А.

Ставропольский государственный университет

Рассматривая теоретические основы лингвопоэтического анализа, А.А. Липгарт подчеркнул, что для получения обоснованного и непротиворечивого результата «исследователь постоянно ориентируется на более широкий филологический и историко-культурный контекст и, в частности, сравнивает изучаемый текст с другими произведениями» [Липгарт 1994: 50]. Предметом исследования в данной статье является интенциональная установка Клейста относительно специфики взаимодействия материального/рационального и духовного/бессознательного в искусстве, рассмотренная на синхронном уровне. Эмпирическим материалом является, прежде всего, текст новеллы о Святой Цецилии, анализируемый в параметрах интеллектуальной и философско-эстетической эпистемы начала 19-го века на фоне предшествующей национальной лингвокультурной и философской традиции.

На наш взгляд, новелла Клейста «Святая Цецилия, или власть музыки», опубликованная в 1811 году в последнем, подготовленном Клейстом прижизненным издании, может быть соотнесена с текстом эссе «О театре марионеток» и прочитана как «музыкальный театр марионеток». Такой исследовательский подход позволит осознать «текст, воспринимаемый наивным сознанием как безусловный, ... в его знаковой услов-